

Д.М. КОВБА*

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ
В ФОКУСЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

Рец. на кн.: Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики / О.Ф. Русакова, С.В. Мошкин, Е.Г. Дьякова [и др.]; под общ. ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издат. дом «Дискурс-Пи», 2022. – 378 с.

Для цитирования: Ковба Д.М. Политика памяти о советском прошлом в фокусе дискурс-анализа (Рецензия) // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 343–3354. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.15>

На конец XX – начало XXI в. пришелся пик интереса социально-гуманитарных наук к «исследованиям памяти» (memory studies). В России он был обусловлен как мировым «бумом» в данной области, так и социальным запросом [Нелина, 2020, с. 244]. «Исследования памяти» – это довольно широкое поле, включающее в себя такие концепты, как коллективная память, культурная память, политика памяти, историческое сознание, историческая политика и некоторые другие. При этом существует два общих места в рассуждениях об этой области знания – во-первых, подчеркивание ее междисциплинарного характера, а во-вторых, «сожаление по поводу того, что подлинного методологического синтеза подходов разных дисциплин к

* **Ковба Дарья Михайловна**, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: dmkova1jova@mail.ru

© Ковба Д.М., 2023

DOI: 10.31249/poln/2024.04.15

этой проблематике пока не произошло» [Миллер, 2018, с. 4]. Тем не менее данную область исследования сегодня считают вполне состоявшимся, «отдельным направлением в рамках социально-гуманитарных наук» [Русакова, Грибовод, Моисеенко, 2022, с. 155]. При описании прогресса в этой сфере указывается, что ученые, кроме частую формальных отсылок к П. Нора и М. Хальбваксу, предлагают теоретические модели, имеющие эвристический потенциал [Головашина, 2022, с. 9]. Среди ключевых российских специалистов, занимающихся вопросами *memory studies*, следует упомянуть О.Ю. Малинову, Л.П. Репину, О.Б. Леонтьеву, А.И. Миллера, М.В. Кирчанова, О.Ф. Русакову (см. [Malinova, 2021; Репина, 2020; Леонтьева, 2015; Миллер, 2016; Кирчанов, 2022; Русакова, Грибовод, Моисеенко, 2022]). При этом одной из самых острых и стратегически важных для российского общества проблем остается политика памяти о советском прошлом. В этом плане рассматриваемая коллективная монография [Официальный дискурс..., 2022] представляется нам весьма актуальной, особенно в свете информационной борьбы и войн памяти [Миллер, 2020], развернувшихся на постсоветском пространстве. Отметим, что память о советском периоде истории – популярный предмет исследований, и сказать здесь что-то принципиально новое сложно. Тем не менее заслугой авторов можно считать комплексный подход к изучению ключевых дискурсов и нарративов официальной политики памяти о советском прошлом, а новизной их работы – выделение основных моделей политики памяти и раскрытие их содержания, а также выявление и сопоставление альтернативных версий прошлого с указанием сильных и слабых сторон интерпретаций, представленных в официальном дискурсе.

Основное внимание в монографии уделяется *анализу дискурса политики памяти*. Стоит отметить, что авторы отлично владеют методологией дискурс-анализа различных источников (научного текста, речи публичного лица, интернет-контента, кинопродукции и др.) и щедро делятся своими знаниями и находками с читателями. Это не случайно, ведь ответственный редактор монографии – профессор О.Ф. Русакова – известный представитель уральской школы дискурс-анализа (см., напр.: [Русакова, 2018]) и главный выпускающий редактор научного журнала «Дискурс-Пи». Применение критического и сравнительного дискурс-анализов в данном случае обусловлено выбором в качестве предмета исследования официального дискурса политики памяти о советском прошлом.

Особенностью первого метода является акцент на идеологической и властно-политической составляющей, отношениях социального неравенства и подчинения. Критический дискурс-анализ позволяет изучить то, как государство управляет коллективной памятью населения, работая со способами интерпретации исторических событий, конструированием символов, нарративов, мифов и смыслов с целью укрепления власти, консолидации общества и формирования национальной идентичности. Сравнительный дискурс-анализ дает возможность сопоставить альтернативные версии советского прошлого и вскрыть конфликтный характер ряда трактовок истории. Обращение не только к традиционным проводникам политики памяти (таким, как учебники истории), но и к новым (медиа-источникам) также оправдано: в современных условиях медиадискурсы самым активным образом участвуют в процессе политического производства нарративов, закрепляют их массовом в сознании благодаря легкому для восприятия и эмоциональному воздействию.

Первая глава посвящена определению истоков и структуры официальной политики памяти. Авторы связывают зарождение кризиса устоявшейся советской модели политики памяти с борьбой против культа личности Сталина, в частности, со знаменитым выступлением Н.С. Хрущева на XX съезде компартии «О культе личности и его последствиях» (с. 11). Утверждается, что хрущевская десталинизация привела не только к очевидным последствиям (сносам памятников вождя и переименованиям населенных пунктов), но и к более глубоким изменениям – публичным дискуссиям по осмыслению наиболее острых проблем настоящего и прошлого, критике советских коммеморативных канонов в искусстве, литературе, кино и театре, а также возникновению идей о пересмотре устоев советской политики памяти в целом. В течение брежневского периода этот кризис только усилился. Он выразился, в частности, в деятельности диссидентского движения, представители которого активно оспаривали официальный исторический нарратив (с. 14). В период перестройки произошел дальнейший развал когда-то монолитной и прочной советской модели политики памяти: образы, фигуры, понятия прошедшей эпохи приобрели обратные ценностно-смысловые значения, начал разрушаться «пантеон советских героев и мучеников» (с. 17). Данный процесс окончательно завершился в 1990 г. после принятия закона об отмене цензуры, в

результате чего в СМИ начались активные нападки на стержневые советские символы и нарративы (с. 18).

Исследуя процесс декоммунизации в странах Центральной и Восточной Европы, авторы выделяют характерные для него стратегии: формирование «дискурса вражды» по отношению к коммунистическому прошлому, опора на неолиберальные идеи как на альтернативу всему российскому и советскому, отказ от советских коммеморативных практик, законодательный запрет публичной демонстрации символики СССР, включение в официальную риторику ряда категорий, призванных создать негативное представление обо всем советском («оккупация», «колониализм», «тоталитаризм», «геноцид») (с. 19).

Отдельный раздел первой главы посвящен анализу инфраструктуры, сложившейся вокруг политики памяти (с. 42–60). Как правило, в статьях предметной области *memory studies* к инфраструктуре относят музеи и памятники, мемориальные комплексы, праздники, ритуалы, художественные произведения, а также знаки, символизирующие солидарность [Малинова, 2018, с. 44]. Однако авторы монографии решили пойти по иному пути и объединить под эгидой «инфраструктуры» следующие элементы: органы власти, образовательные, академические и аналитические центры, социально-политические институты (мемориальные комплексы, общественные организации и др.), медиасреду, законодательство, бюджетные и внебюджетные средства (с. 43). Таким образом, в одном ряду оказываются акторы, инфраструктура и материальная база, что вносит некоторую сумятицу. В данном случае было бы логичнее писать о структуре, а не об инфраструктуре политики памяти.

Во второй главе (с. 80–182) раскрывается *конфликтный и противоречивый характер официального дискурса политики памяти о советском прошлом*. На конкретных примерах демонстрируется процесс исторической инженерии в символической области. Один из кейсов – «политика забвения»¹ Октябрьской социалистической революции – главного советского праздника (с. 81). Авторы подробно описывают, каким образом в ходе истории данный праздник посте-

¹ В контексте политики памяти важны все нюансы – и то, что постоянно воспроизводится в индивидуальных и коллективных ритуальных актах, и то, что забывается или замалчивается. – *Прим. автора.*

пенно «забывался» и констатируют, что 4 ноября оказалось «совершенно бессодержательной и пустой» датой для конструирования исторической политики (с. 92).

Интересны размышления авторов о причинах игнорирования дня рождения СССР, ведь «это не могло стать простой случайностью... Большевики самым тщательным образом контролировали идеологическую работу с массами» (с. 110). В монографии последовательно доказывается несостоятельность целого ряда гипотез: 1) невозможность определить точную дату создания Советского Союза; 2) близость дня рождения к государственному празднику – первому января; 3) незначительность события по сравнению с другой датой – днем Октябрьской социалистической революции, закрепляющей «миф о происхождении» советского народа. По итогам анализа хронологии событий и исторических свидетельств авторы выдвигают довольно убедительную гипотезу о том, что причина игнорирования даты крылась в личном неприятии ее Сталиным, которому «было выгодно “позабыть” этот праздник, поскольку он мог пробуждать у остальной партийной массы неприятные для него воспоминания об острейшем личном конфликте, разгоревшемся в дни образования СССР между ним и Лениным» (с. 123). Этим объясняется и то, что 50-летний юбилей образования СССР отмечался с большим размахом – «к этому времени в руководстве страны не осталось почти никого из близкого окружения Сталина и кто бы мог воспрепятствовать празднованию» (с. 124).

Помимо этого, в тексте поднимается ряд дискуссионных вопросов, касающихся оценок сталинской эпохи и роли личности Сталина в истории. Детальному анализу подвергаются такие сюжеты, как трансформация освещения сталинской внешней и внутренней политики в современной учебной литературе, а также вопрос «реабилитации» вождя народов «в качестве генералиссимуса Великой победы» (с. 131–162).

Завершает вторую главу анализ дискуссии (официально-политической, научной и общественной) об образовании и распаде СССР (с. 162–182). Так, одним из камней преткновения традиционно является роль В.И. Ленина в вопросе о национальном строительстве нового советского государства. По мнению членов партии КПРФ, представление о том, что Ленин заложил «бомбу под российскую государственность» (с. 164) – не более чем миф.

С этим высказыванием контрастирует тезис В.В. Путина о том, что «ленинский план федерализации... заложил мину замедленного действия» (с. 168). Приводя этот и другие примеры, авторы рисуют неоднородную, местами противоречивую картину дискурса о советском прошлом.

Стоит отметить, что вторая глава получилась сильной не только в историческом, но и аналитическом и методологическом планах. В ней выделяются основные научные подходы к анализу событий, связанных с распадом СССР: дискурсивный, семантический, концептуальный, социологический (с. 172–174). Через призму последнего подхода авторы проводят качественное исследование разных возрастных групп (молодежной, средней и старшей), по итогу которого фиксируют отсутствие единства восприятия процесса распада Советского Союза и отмечают, что большое влияние на оценки респондентов оказывают такие факторы, как «мифологизация прошлого и его ностальгическая идеализация» (с. 182).

Третья глава (с. 183–255) посвящена *критическому осмыслению победы СССР в Великой Отечественной войне*. В научной литературе не вызывает сомнений как огромная ценность данного события с символической точки зрения, так и то, что оно является «главной опорной конструкцией современной российской идентичности» [Малинова, 2015, с. 7]. Авторы монографии, используя методологию критического дискурс-анализа, исследуют различные аспекты репрезентации истоков и цены Победы в текстах крупных фигур публичной политики, в том числе «важные смысловые упущения, а также фигуры умолчания» (с. 186). Одним из упущений они считают игнорирование значения системной и планомерной «партийной работы в сфере идейно-патриотического воспитания советских людей» в тексте известной статьи В.В. Путина¹. Для контраста они приводят статью² лидера фракции КПРФ Г.А. Зюганова, который много пишет о важной роли, которую играла ком-

¹ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. Москва. – 2020. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hOAWB1GRwEMuVtAAGREjC8Vvl3VxqiW4.pdf> (дата посещения: 10.02.2023).

² Зюганов Г.А. Великая победа советской цивилизации. Мифы клеветников и правда Истории // Сайт КПРФ – 2020. – Режим доступа: <http://www.kprf-sakhalin.ru/2020/03/25/velikaya-pobeda-sovetskoj-tsivilizatsii-mify-klevetnikov-i-pravda-istorii/> (дата посещения: 10.02.2023).

партия в ходе войны (с. 203). Сравнивая текущий президентский дискурс и дискурс лидера КПРФ, авторы отмечают, что последний находится в заочной идеологической полемике с современным руководством страны (с. 204). При анализе отечественного дискурса политики памяти авторы не ограничиваются текстами статей и выступлений политических лидеров, но также исследуют контент популярной социальной сети «ВКонтакте» (с. 215–233). В данном случае их целью является поиск и анализ победных фраз-клише, связанных с празднованием 9 мая. Под фразами-клише понимаются речевые стереотипы, являющиеся отражением явлений реальности в сознании языковой личности (с. 217). При этом все найденные «победные» клише авторы разделили на несколько групп: 1) в зависимости от формы выражения – на клише-слоганы и клише-цитаты; 2) в зависимости от смыслового содержания – на клише благодарности, клише исторической гордости и эмотивно-инверсионные клише (с. 218). По итогам анализа делается вывод о том, что интернет-сообщество активно производит и распространяет клише в массовом сознании, нарратив которых «способен оказать активное воздействие на корректировку государственной политики памяти» (с. 233).

Следующий параграф называется «Педагогические аспекты российской политики памяти о Великой Отечественной войне», хотя, на наш взгляд, он затрагивает более широкую проблематику, в частности, дает представление о контексте, в котором развивалась политика памяти в России (с. 233–255). Автор параграфа, кандидат исторических наук и общественный советник министра образования и молодежной политики Свердловской области И.С. Огановская, выделяет этапы политики памяти о Великой Отечественной войне – от послевоенного, для которого было характерно замалчивание неприятных фактов, до современного, особенностью которого является противостояние попыткам фальсификации истории (с. 242), и формулирует базовые теоретико-методологические подходы к раскрытию важных положений, связанных с данной тематикой. Этот материал, на наш взгляд, может быть полезен учителям истории, часто сталкивающимся со сложными, а порой и «неудобными» вопросами школьников, – например, о том, что было бы, если Германия завоевала Россию, кто такие коллаборационисты или о том, каким источникам о войне можно доверять.

В четвертой главе (с. 256–334) рассматриваются варианты преломления официального дискурса политики памяти в массовом сознании. Вызывает вопросы компоновка данной главы. Исследовательским материалом выступают российские кинофильмы, школьные учебники истории (первый и второй параграфы) и результаты социологического опроса (третий параграф). То, каким образом в массовом сознании преломляется официальный дискурс политики памяти, действительно можно отследить по результатам опросов населения, фокус-групп (последний вариант был выбран авторами). Остается неясным, зачем в эту же главу добавлен анализ фильмов и учебников, которые лишь косвенно свидетельствуют о состоянии массового сознания (тем более что с продукцией отечественного кинематографа знакомы далеко не все), поскольку являются лишь «проводниками» официальной политики памяти.

В ходе анализа отечественного кинематографа определяются основные этапы постсоветской политики памяти и выделяются три стратегии исторической памяти о советском прошлом: консервативно-проимперская, неолиберальная и ностальгическая, дается их подробная характеристика (с. 261). Затем, через призму этих стратегий, авторы подробно исследуют российские кинофильмы о советском периоде: его героях и антигероях – Ленине, Троцком, Чапаеве, Колчаке; ключевых событиях – двух революциях, Великой Отечественной войне, покорении космоса; противоборствующих силах – белых и красных, советских патриотах и их врагах и проч. Данный аналитический материал содержит элементы новизны и представляет большой интерес для широкого круга читателей.

Значительное внимание уделяется исследованию содержания советских и постсоветских учебников истории (с. 277–305). В монографии повествуется о том, как по-разному освещались и оценивались значимые события прошлого – революция 1917 года, заключение Брестского мира, Гражданская война, национальный вопрос и распад СССР. Например, в советских учебниках присутствовал раздел о всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции (с. 285), а в учебниках 1990-х годов, напротив, продвигалась идея о трагическом пути развития страны, который навязали стране большевики (с. 286). Авторы монографии выделяют следующие особенности, свойственные учебникам истории разных лет: 1) представление царской России в черном цвете в советских учебниках; 2) единый

учебник и единая версия событий, призванная «увязать историю вчерашнего дня с... грандиозными задачами социалистического строительства» в советское время (с. 278); 3) фокус на недостатках и пороках советского прошлого в учебниках периода 1990-х – первой половины 2000-х годов; 4) более диалектический и критический взгляд на прошлое в современных пособиях (с. 305).

Большую исследовательскую ценность представляют результаты качественного социологического исследования восприятия дискурса политики памяти о светском прошлом в представлении людей трех возрастных групп (60–80 лет, 30–40 лет и 18–25 лет) (с. 306–334). Авторский коллектив на наглядных примерах демонстрирует поколенческие различия в восприятии СССР, обусловленные не только наличием или отсутствием у участника фокус-группы статуса свидетеля эпохи, но и особенностями официального дискурса политики памяти, доминировавшего в годы социализации конкретного поколения (с. 333). В качестве примера приведем суждения авторов об особенностях восприятия прошлого людей старшей возрастной группы. В их воспоминаниях доминирующей является фигура Сталина, значимое место занимают также Хрущев, Брежнев и Ельцин. При этом не называются фамилии Ленина, Андропова, Черненко (с. 311). Не упоминаются и события довоенного периода, безусловно, известные данной возрастной группе из уроков истории и кинематографа. На поверхности – мажорные ноты («полет в космос. Гагарин», «победа в войне», «забота о людях»), однако при углублении беседы вскрывается негативный пласт памяти («по талонам покупали», «занимать очередь», «[родителей] выгнали, отобрали дом и назвали кулаками», «это насилие, насилие...» (с. 314)). Авторы монографии заключают, что актуализация позитивного или негативного пластов зависит от предмета обсуждения, позиции собеседников и сложившейся степени откровенности (с. 316).

Несмотря на значительные отличия в восприятии истории представителей разных возрастных групп, фиксируются и сходства. Наиболее любопытным из них является окрашивание истории в героико-романтические тона с одновременным существованием так называемых «зон умалчивания», содержание которых «артикулируется лишь при провокативном обращении к семейной памяти» (с. 334).

Таким образом, монография представляет собой глубокое комплексное исследование, результаты которого могут быть полезны органам власти различного уровня при разработке стратегий, технологий и программ политики памяти, преподавателям, научным работникам и всем интересующимся вопросами, поднятыми в тексте. К недостаткам монографии можно отнести ее некоторую мозаичность, что связано в основном со значительным числом авторов, принявшим участие в ее создании. Так, например, параграф 1.3 (с. 61–79), хотя и поднимает довольно интересную и важную тему «исторического воображения», но несколько выбивается из повествования и идет после выводов, которые логичнее было бы сделать по итогу всей главы. Помимо этого, работе свойственны общие недостатки, характерные для отечественного исследовательского поля коллективной памяти, на которые указала О.В. Головашина: это акцент на дискурсивные схемы, риторические фигуры, потребности исторической политики в ущерб разработке эпистемологических пластов [Головашина, 2022, с. 11]. Стоит отметить, что есть исследователи, которые данные «недостатки» трактуют как национальную специфику. К достоинствам монографии следует отнести, во-первых, то, что она содержит взвешенно-аналитические позиции без ухода в крайности, а во-вторых, дает полноценное, комплексное представление о неоднозначном содержании дискурса о советском прошлом, а также об акторах, стратегиях, инструментах и способах интерпретации исторических событий. Поздравляем авторов с выходом труда и не сомневаемся в его актуальности и востребованности у аудитории.

D.M. Kovba*

**The politics of memory of the Soviet past
in the focus of discourse analysis (Review)**

For citation: Kovba D.M. The politics of memory of the Soviet past in the focus of discourse analysis (Review). *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 345–354. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.15>

* **Kovba Daria**, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia), e-mail: dmkova1jova@mail.ru

References

- Golovashina O.V. Memory studies in search of epistemological foundations. *Sociology of power*. 2022, Vol. 34, N 1, P. 8–17. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-8-17>
- Kirchanov M.V. «Institutions of Memory» as a form of historical politics in Central and South-Eastern Europe. *Slavianovedenie*. 2022, N 5, P. 51–64. DOI: <http://www.doi.org/10.31857/S0869544X0022314-8> (In Russ.)
- Leontieva O.B. «Memorial turn» in the contemporary Russian historical studies. *Dialogue with time*. 2015, N 50, P. 59–96. (In Russ.)
- Malinova O. Politics of memory and nationalism. *Nationalities papers*. 2021, Vol. 49, N 6, P. 997–1007. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2020.87>
- Malinova O.Yu. The great patriotic war as a symbolic resource: the evolution of the official rhetoric 2000–2010. *Russia and the contemporary world*. 2015, N 2, P. 6–29. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. The politics of memory as a part of symbolic politics. *Methodological issues of studying the politics of memory: Collection of scientific papers*. Moscow-Saint Petersburg: NestorHistory, 2018, P. 27–53. (In Russ.)
- Miller A.I. Politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory. *Politeia*. 2016, N 1, P. 111–121. (In Russ.)
- Miller A.I. Introduction. Methodological problems in the study of the politics of memory - solved, unresolved and unsolvable. *Methodological Issues of Studying the Politics of Memory: Collection of scientific papers*. Moscow-Saint Petersburg: NestorHistory, 2018, P. 4–10. (In Russ.)
- Miller A.I. Second World War in the «wars of memory». *The new past*. 2020, N 4, P. 222–231. (In Russ.)
- Nelina L.P. Approaches to defining the concepts of memory studies in Russian historiography. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2020, Vol. 6, N 3, P. 244–253. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-3-244-253> (In Russ.)
- Repina L.P. Memory of events in measurements of space and time. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. History. International relations*. 2020, Vol. 20, N 1, P. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40> (In Russ.)
- Rusakova O., Moshkin S., Dyakova E. (eds). *The Official Discourse of the Russian Politics of Memory of the Soviet Past: Interpretation Strategies, Actors, Commemorative Practices*. Ekaterinburg: Publishing House Discourse-P, 2022, 378 p. (In Russ.)
- Rusakova O.F. Ural school of political discourse studies: new research areas and academic practices. *Discourse-P*. 2018, N 2, P. 10–29. DOI: <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.31.2.1029> (In Russ.)
- Rusakova O.F., Gribovod E.G., Moiseenko Ya.Yu. Discourse on the politics of memory: studies of symbolic aspects. *Discourse-P*. 2022, Vol. 19, N 2, P. 154–171. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154 (In Russ.)

Литература на русском языке

- Головашина О.В. Memory studies в поисках эпистемологических оснований // Социология власти. – 2022. – Т. 34, № 1. – С. 8–17. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-8-17>
- Кирчанов М.В. «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе // Славяноведение. – 2022. – № 5. – С. 51–64. – DOI: <http://www.doi.org/10.31857/S0869544X0022314-8>
- Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 59–96.
- Малинова О.Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2020 гг. // Россия и современный мир. – 2015. – № 2. – С. 6–29.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. – М.; СПб: НесторИстория, 2018. – С. 27–53.
- Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. – М.; СПб: НесторИстория, 2018. – С. 4–10.
- Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 222–231.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
- Нелина Л.П. Подходы к определению концептов memory studies в российской историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. – Т. 6, № 3. – С. 244–253. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-3-244-253>
- Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики / О.Ф. Русакова, С.В. Мошкин, Е.Г. Дьякова [и др.]; под общ. ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издат. Дом «Дискурс-Пи», 2022. – 378 с.
- Ретина Л.П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>
- Русакова О.Ф. Уральская школа политической дискурсологии: новейшие исследовательские направления и академические практики // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2. – С. 10–29. – DOI: <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.31.2.1029>
- Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 154–171. – DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154